

— Я о моей просьбе хочу сказать, — посе-
рѣзнев, заговорил Макенский.

— Да, да.

— Я приехал из Воронежа и остановился
у сестры. Мы сможем завтра на маминой
могилке отслужить молебен?

Служить надо было заупокойную служ-
бу — панихиду. Макенский не разбирался
в обрядовой стороне православия.

— Борис Николаевич, скажите время, я
подъеду, как вам удобно.

— Давай, встречаемся у ворот кладбища
в одиннадцать часов дня. Подойдёт?

— Договорились. Я буду непременно.

— Хорошо, молодец, Женя. Ничего,
что я так тебя, а то тут народ божий?

— Ничего, ничего. Юность — это плане-
та, в которой остаётся всё, как прежде. Мы
были открыты, просты, искренни, бедны,
и от всего этого мы были счастливы.

— Ты прав, молодец. Ну, давай, давай. А
то тут у тебя люди, я вижу.

Мы крепко схлестнулись ладонями и об-
нялись.

— До завтра, — сказал Макенский с чув-
ством и направился к двери. Я вошёл в Ал-
тарь и вспомнил о конверте. Посмотрел: в
нём лежало сто тысяч рублей.

— Слава тебе, Господи, не оставляешь
храм без пощения.

Я положил земной поклон Престолу:

— Здравия и спасения рабу твоему бо-
жьему Борису со сродниками, а матушке
его вечная память.

На следующий день я приехал на
кладбище. Весеннее солнце пригревало
с каждым днём всё сильнее, и дворики
могил, украшенные разноцветными яр-
кими бумажными цветами, пестрели по
всему кладбищу. Дорожки, присыпан-
ные песком, создавали ощущение чистоты,
прибранности, казалось, что ни одна
могила не осталась без заботы живых
людей. Оградки были покрашены новой
краской, около чистых памятников лежали
пасхальные яйца, конфеты, куличи.

Гнетущая атмосфера погоста исчезала в
дни великого праздника Пасхи. Никто
не плакал у могил своих близких. Даже
матери, похоронившие детей, не сидели у
надгробий и не проливали слёз, как они
это делали в течение всего года. В пред-
пасхальные дни они украшали могилки,
а в дни праздника переживали в утом-
лённом сердце то неясное, но устойчи-
вое чувство надежды на скорую встречу,
которую обещает воскресший Спаситель,
победивший смертью смерть. Это живое
чувство причастности к великому собы-
тию мировой истории, перевернувшему
мир, неискоренимо из сознания русского
человека. Он может этого не понимать в
полной мере, может быть, не сумеет рас-
сказать, если вы его спросите, для чего
он приходит поклониться могилам сво-
их предков. Но чувством он знает, что
человек — только гость на этой земле,
и те люди, которые жили здесь прежде,
уже ушли в другой, более светлый мир и
что придёт и его черед расставания, но и
радостной встречи. Это мироощущение
русского человека было бы невозможно
без присутствия в мире становящегося
смысла — церкви Христовой, которая,
существуя в двух реальностях, плывёт,
как корабль посреди моря житейского,
и спасает тех, кто желает спастись. В Ев-
ропе и Америке в обществе не принято
говорить о смерти. Это считается дурным
тоном. Неприлично вспоминать о том,
что вселяет в человека животный страх. А
наши православные святые в один голос
восклицают: «Думай о смерти и вовек не
согрешешь».

С самого детства я любил эти сладост-
ные солнечные дни таинственного едине-
ния людей, живых и мёртвых.

Во вторник следующей недели сюда
снова будут стекаться люди, чтобы памя-
тью соединиться со своими родными и
близкими. Исполнившись благодарности,
они принесут символы своей веры и на-
дежды — крашеные яйца и куличи — как
напоминание освобождения человека от
рабства греха и смерти.

Всенародное шествие на кладбище в ве-
ликие дни светлой седмицы от Пасхи до
Антипасхи и Радоницы не смогли остано-
вить или прервать ни времена гонений на

церковь, ни идеология социализма и ком-
мунизма, звавшая человечество к «свет-
лому будущему», земного рая без Христа.

Это единственное несанкционированное
шествие, которое не нужно было органи-
зовывать. Оно рождается и живёт в серд-
цах людей, движимых к разгадке смысла
бытия человека. Кладбище в Пасхальные
дни — это как раз то место, где проведена
черта временного и вечного, где возвели-
чивается и возвышается всякий человек:

раб и владыка, царь и нищий, богатый и
убогий — все стоят в равном достоинстве,
потому что у Бога нет лицемерия. Но
каждый в сознании живых возрастает
памятью и верой до масштаба вечности,
бессмертия. Теплом и живым единством
согреты эти дни манифестации и демон-
страции победы жизни над смертью. И
даже сейчас, когда в головах и сердцах
людей остались только отблески от веры
отцов наших, можно почувствовать сво-
боду русского человека, его бесстрашие
перед лицом последнего врага человека —
смерти. Таких людей нельзя было по-
ставить на колени, их можно было только
уничтожить. Отсюда такие масштабные,
кровавые жертвы в двадцатом столетии.

Меня встретила сестра Макенского,
и я молча пошёл за ней. Его джип с от-
крытым багажником стоял неподалёку
от могилы родителей. Небольшая кучка
людей находилась в оградке. От неё отде-
лился Макенский и пошёл нам навстречу.

Каркали вороны, набегал ветер, который
то приближал, то отдалял это тревожное
карканье.

Мы обнялись. Он был подчёркнуто се-
рѣзён.

Служба прошла сухо и сдержанно. Он
пригласил меня остаться, помянуть. Я от-
кланялся.

— После Пасхи я тебя найду, — сказал
мне Макенский, прощаясь.

Я отправился к своей маме.

Крест из чёрного гранита на могиле
возвышался и звал меня к себе. Я вошёл в
ограду, перекрестился и поцеловал крест,
на камне которого были высечены слова
из Никодима Святогорца: «Живи как бы
ежедневно умирая. Скоро пройдёт жизнь
твоя, как облачная тень перед солнцем».

Я собрал с горнички серую траву, кото-
рая успела высохнуть и запылиться.

— Всё идёт хорошо, моя дорогая мама.
Если ты слышишь меня сейчас, то прошу,
помолись за своего внука Ивана, чтобы
Господь дал ему силы и чистоту разуму.

Я верил, что природа должна взять
своё. Не было в нашем роду ни пьяниц,
ни убийц, ни казнокрадов...

Отслужив заупокойную литию, я пошёл
к машине, как вдруг зазвонил телефон.

— Батюшка, отец Евгений, это мама
Димы, которого вы благословили в Мос-
кву, помните, в больнице.

— Да-да я помню вашего джентльмена.

— Помолитесь за нашего Диму, у нас
очень плохие дела, — она заплакала в
трубку.

— Помолось, обязательно поусерднее
помолось.

— А можно мне иногда вам звонить?

— В любое время дня и ночи.

— Спасибо. Помолитесь за Диму.

— Хорошо, поправляйтесь и верьте, что
всё будет хорошо.

3.

Макенский нашёл меня во вторник на
Радоницу. Он приехал вместе с Пыжовым
на своём джипе с водителем. Служба ото-
шла. Люди разошлись. Работы в праздник
были остановлены. День был солнечный
и тёплый, один из тех дней, которые на-
полнены неизъяснимой радостью присут-
ствия живого Бога.

Мы остановились у плит перекрытия,
сложенных на стройплощадке, и Макен-
ский попросил водителя «накрыть поля-
ну». Завязался разговор. Мы вспомина-
ли события нашей юности, погружаясь в
счастливое, беззаботное время, которое
вселяло в нас радость и доверие к жизни.
Дорогой коньяк способствовал нашему
погружению в прошлое. Макенский нали-
вал и наливал стаканчики, говорил не
останавливаясь, щёки его розовели, было
видно, что жизнь его удалась. Он несколь-

ко лет был главой администрации горо-
да-миллионника, потом заместителем
министра, а вот теперь вице-президент
московского банка. Доктор наук, за плеча-
ми которого два института и аспирантура.

Пыжов был немногословен. Его прош-
лое научило его осторожности. Он вла-
дел в городе сетью ресторанов, казино и
боулинг-клубов. Его машину взрывали на
автостоянке несколько лет назад, в него
стреляли, но он выходил невредимым.

Плотного телосложения, большоголового,
с глубоко посаженными глазами, корена-
стый, он обладал природной силой и был
по-мужички здоров. Я вспомнил, как в
спортивном лагере на ринге он в боксёр-
ских перчатках ударил сверстника. Тот
упал и получил сотрясение мозга. Речь
Пыжова была косноязычна, но в этом ко-
сноязычии отражалась связь с реальной
жизнью, и обороты его речи казались от
этого тяжеловесными.

— А мы встретились с Макенским, —
говорил он мне, — ну, чего, стали рассу-
ждать. У меня мать похоронена здесь, на
нашем кладбище. У него мать и отец тоже
здесь лежат. Я говорю, давай поставим ча-
совню рядом с кладбищем. Он согласился.

Пошли к вашему владыке, чтоб благосло-
вил, а он говорит, часовня не нужна. У вас
там храм строится, в нём за людей молят-
ся, и за ваших родителей там будет идти
молитва, вот этому храму и помогите. Так
мы к тебе и пришли. Мы тебе поможем.
Макенский, поможем?

— Мы тебе построим храм, — твёрдо ска-
зал Макенский, — давай выпьем за это.

И мы снова выпили. Я начал сообра-
жать, что у меня нет такой подготовки к
алкоголю, как у моих спонсоров, но ра-
дость и надежда повредили моей бдитель-
ности, и вскоре я почувствовал зыбкость
существования. Оглядывался по сторо-
нам, помня, что я священник, что прохо-
дят люди вдоль забора стройплощадки,
что они меня узнают, и многие приоста-
навливаются, складывают руки для бла-
гословения и просят их на расстоянии
благословить. Я, изо всех сил сохраняя
равновесие, крещу пространство и кла-
няюсь. Вдруг на территорию стройки на-
правилась молодая женщина с коляской,
идя прямо на меня... Макенский сделал
несколько шагов ей навстречу.

— У вас есть деньги на питание ребёнка?
— спросил он смутившуюся женщину, ко-
торая пожалала плечами.

Макенский достал бумажник из карма-
на пиджака, извлёк из него пятидесятируб-
левую купюру и протянул женщине.

— Возьмите, это на питание вашему ре-
бёнку.

— Ну, зачем вы, — робко ответила жен-
щина и посмотрела на меня.

Я показал ей знаками, чтобы она не от-
казывалась. Она взяла, поблагодарила и,
забыв, зачем шла ко мне, развернула ко-
ляску, чтобы торопливо удалиться.

— Спасибо, спасибо тебе, щедрый рус-
ский человек, — с чувством сказал я Ма-
кенскому.

— Русский народ беден, — ответил Ма-
кенский, — потому что ленив и невеже-
ственен.

Закончился коньяк. Макенский пошёл
к своей машине и принёс в руках зелёный
бархатный мешочек, перевязанный золо-
тистой верёвочкой.

— Это виски девятнадцатилетней вы-
держки, хотите попробовать?

— Всякий человек подает сперва хоро-
шее вино, а когда напьются, тогда худшее,
а ты хорошее вино сберёг доселе, — авто-
матом произнёс я.

— Сберёг, сберёг, — сказал Макенский и
отвернул голову пузатой бутылке.

Мы ещё выпили.

Макенский начал читать стихи:

Село, значит, наше — Радово,
Дворов, почитай, два ста.
Тому, кто его оглядывал,
Приятственны наши места.

Он читал с русским размахом и пафо-
сом. Он любил всё русское и жалел его:

Богаты мы лесом и водью,
Есть пастбища, есть поля.

И по всему угодию
Рассажены тополя.

Мы в важные очень не лезем,
Но всё же нам счастье дано.
Дворы у нас крыты железом,
У каждого сад и гумно.

У каждого крашены ставни,
По праздникам мясо
и квас.

Недаром когда-то исправник
Любил погостить у нас.

— Серёга, Серёжка! — с чувством про-
изнёс Макенский, — настоящий русский
поэт! Любил Рассею и страдал за неё.

Потом Макенский и Пыжов стали что-
то выяснять друг с другом, вспоминать
прежние обиды и недоразумения. Видно
было, что Макенский заискивает перед
своим другом.

«Ничего не изменилось со времён на-
шей юности, — подумал я. Русскому че-
ловеку нужна сила, нужна крепкая рука,
только тогда он проникается уважением
к собеседнику или власти и смиряется. Не
страх Божий, а человеческий ближе его
менталитету».

— Вот сколько ты тратишь денег в месяц
на своё житьё-бытьё? — заинтересованно
спрашивал Макенского Пыжов.

— Десять тысяч долларов мне вполне
хватает, — с гордостью отвечал Макен-
ский, — тренажёрный зал, сауна, хорошая,
качественная еда, одежда от кутюр, — вот,
пожалуй, здоровый образ жизни уважаю-
щего себя человека.

Я подумал, слушая Макенского, что если
бы он один месяц пожил на зарплату пен-
сионера в нашей стране в пять тысяч ру-
блей, а десять тысяч долларов пожертво-
вал на храм, то я бы поставил иконостас.

— А ты сколько тратишь? — продолжал
Макенский, обращаясь к Пыжову.

— Как масть пойдёт, как карты сложат-
ся, — но не меньше твоего, — а «подушка
безопасности» у тебя есть?

— Есть, — отвечал Макенский, — я ду-
маю о своей семье. На счетах жены и сына
лежат бабки, хватит им и их внукам оста-
нется.

— Молодец, это я уважаю.

У меня зазвонил телефон. Я отошёл от
Макенского и Пыжова в сторону. Звонок
был из Москвы, от мамы джентльмена
Димы, который уехал в московскую кли-
нику.

— Отец Евгений, нет больше нашего
Димы, — она неутешно плакала в труб-
ку, — умер Дима. Помолитесь, помолитесь
за упокой его души, пожалуйста.

— Помогите вам Господь и Божья Ма-
терь, — говорил я в трубку.

Кроме рыданий, ничего не было слыш-
но, и звонок прервался.

Я повернулся к храму, перекрестился.
— Господи, прими невинную душу отро-
ка Димитрия, а родителей его утешь, Го-
споди.

Макенский и Пыжов продолжали горя-
чо спорить. Водитель скучал, поглядывая
на своего шефа.

— Я слежу за своим здоровьем, — гово-
рил Макенский Пыжову, — спорт, здоро-
вое питание, ежегодное медицинское об-
следование и хороший секс.

— Давайте выпьем, — предложил я, — за
дружбу. Человек силён друзьями.

— За дружбу!
— За дружбу!

И мы допили зрелый виски до дна. Я не
заметил, как уехал Пыжов. Макенский вёл
меня к машине. Водитель усаживал его на
заднее сиденье, но Макенский отстранил
его, встал передо мной, достал из кармана
уже известный бумажник, извлёк из него
все деньги, которые в нём были, и протя-
нул их мне.

— Возьми и строй, — сказал он, — только
помни: на Руси купола кроют золотом.

Он обнял меня, большой, размякший,
тёплый человек, и уехал. Я пошёл к хра-
му, сжимая в руке его деньги, на стройке
споткнулся и упал, деньги веером рассы-
пались на песок. Стоя на коленях, я соби-
рал пятитысячные червонные купюры.
Утром при счёте их оказалось триста пять
тысяч.